

На следующее утро после того, как Гарри очнулся, он долго беседовал с целителем Обри о состоянии своего здоровья. Ему рассказали, что происходило, пока он находился без сознания, в том числе о жесточайших приступах судорог, сменявшихся смертельной неподвижностью. Также Гарри узнал, кто и как именно сумел вывести его из комы. Тем утром он всё ещё выглядел тяжело больным, но колдомедики заверили его, что уже через несколько дней после употребления тонизирующих зелий он вновь почувствует себя таким же здоровым, как и всегда, будто он и не пролежал без сознания почти месяц. В любом случае, врачи собирались продержать Гарри в больнице ещё несколько дней, чтобы попытаться найти причину его загадочной болезни.

После разговора с целителем к Гарри выстроилась целая очередь из желающих его навестить, впрочем, каждого строго-настрого предупредили, что на посещение отводится не более нескольких минут. Первыми в палату вошли всхлипывающие представительницы семейства Уизли — Молли и Джинни, причем в промежутках между объятиями и бесконечными рыданиями ни одна из них не могла составить связное предложение.

Вначале Гарри чувствовал себя неловко в присутствии плачущих дам, но раз взглянув в глаза Джинни, он осознал, что ее возбуждение было немного притворным. И она непривычно сильно липла к нему. Войдя в палату, Джинни сразу присела на кровать поближе к Гарри и прилагала все усилия, чтобы касаться его настолько часто, насколько ей позволяла осторожность. Она сидела скрестив ноги так, что ее бедро тесно прижималось к его, и чуть ли не закидывала на него ногу. И это, не говоря уже о постоянном нежном поглаживании ладони или едва ощутимом похлопывании по руке под предлогом волнения о его здоровье. Все это очень стесняло Гарри. Со стороны эти манипуляции могли показаться достаточно невинными, но Гарри вскоре осознал, что все действия Джинни направлены на то, чтобы выяснить его отношение к ней.

Ни единым знаком она не выдала то, что на самом деле чувствовала, но, разумеется, ей совсем не понравился такой «отклик» на ее поведение. Когда Гарри поинтересовался, навещают ли его Рон и Гермиона, Джинни воспользовалась возможностью, чтобы выложить ошеломляющие новости.

— О, да, они оба здесь, — сказала она мимоходом. — Наверное, прямо сейчас обжимаются в холле... ой, неужели я проговорила? Они не хотели пока никому говорить...

Джинни не знала, радоваться или досадовать по поводу его реакции. Конечно, было даже немного забавно видеть шок на его лице, но это подтверждало её самые страшные опасения. Зелье больше не действовало. Джинни мысленно обругала себя за то, что не воспользовалась своим «парфюмом», прежде чем навестить Гарри.

Продолжая говорить о том, что Рона и Гермиону сейчас не оторвать друг от друга, она исподтишка изучала реакцию Гарри на каждое своё слово, движение и прикосновение вплоть до того момента, когда им была пора уходить. Ей всё ещё не нравилось то, что она увидела, но Джинни всё же надеялась, что те семена, которые она заронила в его голове, пустят свои корни, и Гарри совершенно чётко осознает, кто для него лучше, а именно — Джинни. Почему-то, чего Гарри не смог осознать до конца, он испытал облегчение, когда Джинни и Молли Уизли наконец покинули его палату.

Никто и не заметил появившуюся на лице Джинни самодовольную улыбку, как только она вышла в коридор.

Двое его лучших друзей вошли к нему сразу же после ухода женской половины семейства Уизли и повели себя совершенно не так, как Гарри мог бы ожидать. Пытающаяся не всхлипывать Гермиона выглядела очень взволнованно и, казалось, была готова потерять самообладание в любую секунду. По крайней мере, её чувства были искренними, это Гарри мог сказать совершенно точно. Она постоянно извинялась за то, что наговорила ему на вокзале Кингс-Кросс, за то, что вынудила его уйти одного. Гарри знал, что Гермиона винит себя в том, что бросила его на вокзале, и, скорее всего, чувствует себя в ответе за то, что с ним произошло. Тем не менее, он был поражен ее поведением; ведь он сам хотел, чтобы она ушла, разве что не именно так, как это в итоге случилось.

Когда Гермиона в седьмой раз за столько же минут поинтересовалась его самочувствием, Гарри словил себя на мысли, что она начинает его немного раздражать. И всё же искренность ее беспокойства порождала непонятное щекочущее чувство внизу его живота. Это также удивило Гарри. Казалось, такое ощущение уже бывало у него несколько лет назад каждый раз, когда Гермиона находилась рядом. Гарри потерял нить разговора, стоило непрошеным воспоминаниям внезапно ворваться в его голову. Воспоминания, о существовании которых до этой минуты он и не догадывался.

«... ты великий волшебник» «...книги и мастерство...» «...дружба, и отвага, и...»

Самое первое объятие в его жизни...

Окаменевшее тело, лежащее на кровати в больничном крыле Хогвартса...

Только что оживлённая молодая ведьма, бегущая через весь Большой зал с пронзительным криком: «Ты догадался! Ты догадался!»

Тело, прижавшееся к нему, во время полета на Клювокрыле...

Тёплый след на щеке, оставшийся после первого многозначительного поцелуя...

Девушка, обнимающая его и визжащая от восторга: «У тебя вышло! Я так тобой горжусь! Заклятие «Reducto» очень сложное!»

Гермиона, медленно спускающаяся вниз по лестнице перед Святочным балом...

Пышная копна каштановых волос закрывает весь обзор, так как её хозяйка крепко обнимает его, после невероятно трудного лета с Дурслиами и дементорами...

Гарри начало подташнивать, в то время как забытые воспоминания одно за другим всплывали

на поверхность его сознания, вновь вызывая то самое трепетное чувство под ложечкой.

Упавшая на пол ведьма в Отделе Тайн...

Поток воспоминаний закончился, и Гарри задался вопросом, почему с тех пор он не ощущал подобного чувства? Случилось ли это по той причине, что она была так близка к смерти по его вине? Как он, вообще, мог забыть такие особенные для него события? Откуда взялась эта враждебность между ними? Что произошло с ним? Что случилось с ними двумя?

Вдруг слова Джинни, сказанные несколькими минутами ранее, пришли ему на ум: «Наверное, прямо сейчас обжимаются в холле». Гарри не удержался и нахмурился, пытаясь понять, почему это заявление так его взволновало.

Рассказывая, как она нашла его сломанные очки и следы крови в номере «Дырявого Котла», Гермиона заметила, что Гарри помрачнел.

— Ты уверен, что всё нормально? — восьмой раз спросила Гермиона, вырывая его из раздумий.

— Я в порядке, — восьмой раз автоматически ответил Гарри, но глаза выдали его с головой. От Гермионы не смогло укрыться беспокойство на его лице, но она не стала настаивать.

— Тебе сообщили, что привело тебя в сознание? — нерешительно поинтересовалась Гермиона.

— Да, целитель сказал, что ты использовала свой Патронус. Откуда ты знала, что это сработает?

— Помнишь того мальчика, с которым ты разговаривал — Барнабаса Уиндона? Он был здесь и интересовался, можешь ли ты навестить... хм... ту девочку, которую ты встретил на вокзале Кинг-Кросс — Котону. Её привезли сюда, когда ты исчез в первый раз. Я заходила к ней вчера, и она... в общем, она наговорила мне много странного, например, о том, как защищала тебя и «удерживала твою душу в покое». Когда она назвала тебя «оленем» и сказала, что ты в опасности и нуждаешься в моей «выдре», стало очевидно, что она имеет в виду мой Патронус. Она говорила так искренне и была настолько уверена в своих словах, что мне показалось, что она знает обо всем, — Гермиона удобно опустила упоминание о том, что была его «спутницей», при мысли о чём её кожа до сих пор покрывалась мурашками.

Несколько раз за разговор, казалось, что Гермионе до ужаса не терпится спросить о чём-то, но каждый раз она сдерживалась после небольшой внутренней борьбы с самой собой.

Поведение же Рона в течение всего их посещения удивило и взволновало Гарри ещё больше, чем несвойственная Гермионе тревога. Парень был гораздо тише, чем обычно — Гарри ещё никогда его таким не видел. Рон казался отстранённым, пока стоял у кровати больного, и нотки льда были слышны в его голосе каждый раз, когда он что-либо говорил, что, кстати,

тоже происходило нечасто. Похоже, что Рон был чем-то разозлён. Его глаза бегали от Гарри к Гермионе и обратно, будто бы он так и ожидал, что сейчас произойдет что-то необычное. Гарри решил, что, возможно, Рон опасается, что Гарри в любой момент может накричать на Гермиону, либо наоборот. В любом случае, встреча у них прошла далеко не лучшим образом.

После того, как Гарри распрощался с друзьями, к нему вошли Ремус и Тонкс. Оба нерешительно смотрели на него, так как он лежал в кровати полностью поглощенный своими мыслями. Волосы Тонкс оказались насыщенно-черного цвета, а глаза приняли странный бледно-голубой оттенок, благодаря чему метаморфиня была похожа на шестнадцатилетнюю девочку, а не на двадцатидвухлетнюю женщину, которой она являлась. Тонкс, как и Гермиона, еле сдерживала слезы, а Ремус выглядел как... в общем, как Ремус. Бледен и худ, он был окружен привычным страдальческим ореолом — следствие ликантропии.

Предыдущие разговоры были точно такими же...

«Мы рады, что тебе лучше», «мы так волновались за тебя», «так жаль, что ты пропустил свадьбу Билла» и «тебя уже скоро выпишут».

Только от Ремуса Гарри услышал кое-что новое:

— Как только ты будешь чувствовать себя достаточно хорошо, нам придется забрать тебя отсюда. Больница — не самое безопасное место для тебя.

— Я знаю. Надеюсь, кто-нибудь унес мои вещи из «Дырявого котла»? — лицо Гарри осунулось.
— Я так полагаю, мы отправимся на Гриммаулд-Плэйс?

Он все еще не хотел освежать все те воспоминаниям, что вызывал у него дом на Гриммаулд-Плэйс.

Но Ремус отрицательно покачал головой:

— Нет, я боюсь, что мы должны оставить дом твоего крёстного. После смерти Дамблдора старая защита спала, а чары Фиделиус нарушены — по крайней мере, мы так думаем. Не хотелось бы испытывать судьбу. Все твои вещи, кстати, сложены в том шкафчике для одежды в углу, а Хэдвига живет у Грейнджеров.

— Ну, я ведь не могу теперь безопасно вернуться к Дурслям, не так ли? Этот жирный, поганый вор собрал свои вещички и уехал, но, я полагаю, вам известно об этом.

Ремус обратил внимание на слово «вор», правда, не совсем понял, к чему это было сказано.

— Да, мы знаем, что Дурсли выехали из дома на Тисовой улице. Как раз твоя тётя Петунья и сообщила нам, что ты попал в маггловскую больницу. Правда, мы больше не смогли с ней

связаться и узнать, куда они переехали.

— Она сообщила вам? Как она узнала, что я в больнице? — гневно спросил Гарри.

— Кажется, в той больнице пытались установить твою личность, а так как у тебя не оказалось никаких документов, то они поместили твою фотографию во всех английских газетах. Твоя тётя увидела ее и сразу же связалась с нами.

Гарри безучастно уставился на Ремуса, не зная в действительности, что и думать.

— Но почему?

Ремус знал, что Гарри не понравится то, что он сейчас ему скажет:

— Гарри, когда мы попали в маггловскую больницу, чтобы забрать тебя, Пожиратели Смерти уже были там, и они пытались сделать то же самое. Должно быть, они тоже увидели твою фотографию в газетах. Так как твоя тётя сразу же сообщила нам обо всём, она тем самым, по существу, спасла твою жизнь. Мы верим, что этого она и добивалась, никто не знает...

— Уходите, — как можно мягче попросил Гарри, но в его голосе чувствовалась неприкрытая ярость.

— Гарри, я знаю, что...

— Я сказал, убирайтесь! — завопил он.

Ремус вздохнул и вывел рыдающую Тонкс из палаты. Целительница сразу же зашла внутрь, чтобы узнать, чем, собственно, вызвано всеобщее волнение, и Гарри сообщил ей, что больше не хочет видеть посетителей. Вообще. Также он чуть ли не потребовал еще одно зелье Сна без сновидений. Ему и так было над чем подумать, не хватало еще кошмаров.

Гарри проснулся в два часа ночи все еще сбитый с толку своей затяжной болезнью. Несколько минутами позже, убедившись, что сможет устоять на ногах, он нетвердо поднялся с постели, прошел в другой конец палаты и открыл шкафчик, содержащий его вещи. Там он обнаружил свой школьный сундук, палочку и коробку документов, полученных из его теперь уже пустого хранилища в Гринготтс. Гарри тяжело вздохнул, вновь вспоминая, что из достаточно состоятельного человека — по крайней мере, так ему всегда говорили — он превратился в бедняка. Хорошо, что он и так не собирался возвращаться в Хогвартс на последний год обучения: теперь даже необходимые учебники были ему не по карману, не говоря уже о канцелярии и плате за обучение.

«Из грязи в князи... и снова в грязь... во всяком случае, у Рона теперь нет причин мне завидовать», — грустно пробормотал Гарри, идя обратно к постели с коробкой в руке. Он начал

лениво просматривать бумаги, но толком не прочел ни одной из них. Им полностью овладели мысли о его странных чувствах к Гермионе, сменившиеся пониманием того, что без его сбережений поиски хоркруксов становятся практически невозможными. У Рона денег не было, а просить Гермиону профинансировать эту затею Гарри уж точно не мог. Он не имел ни малейшего понятия, что делать. Возможно, следует поставить в известность членов Ордена и позволить им заняться поисками? Но в таком случае они просто запрут его, как это уже происходило в прошлом. Скорее всего, тот факт, что уже меньше, чем через две недели, он станет совершеннолетним, не будет иметь для них значения.

И вновь слова Джинни пронеслись у него в голове: «Наверное, прямо сейчас обжимаются в холле...» Представив, как Рон языком исследует миндалины Гермионы, Гарри испытал острый приступ тошноты. Даже зная, что его друзья когда-то нравились друг другу, он не мог поверить в то, что они умудрились не ссориться достаточно долго, чтобы их отношения настолько развились. Рон всегда её недооценивал, называя «чокнутой» и «страшной». А Гермиона раздражалась так сильно, что Гарри приходилось силой удерживать её от того, чтобы она не прокляла Рона, по крайней мере, не так часто, чтобы это стало его волновать. Одна только мысль о том, что они «вместе» как парень и девушка, вызвала у него головную боль. Тем не менее, Гермиона сама подтвердила, что они целовались, но ничем не показала, что ей это понравилось.

Слова «Тисовая улица», которые промелькнули перед глазами Гарри, когда он рассеянно достал и развернул очередной пергамент из коробки, вывели его из раздумий. Присмотревшись в тусклом свете, он обнаружил, что этот документ является актом о владении недвижимостью, утверждающий, что дом №4 по адресу Тисовая улица, Литтл Уинджинг, графство Суррей входит в имущество Поттеров. Прикрепленная к нему бумага оказалась законным контрактом, который гарантировал оплату всех коммунальных платежей и ежемесячную выплату юридическим опекунам Гарри щедрого денежного пособия, покрывающего все издержки на его еду и одежду, а также включающего в себя разумное количество карманных денег для личных трат Гарри.

Когда понимание настигло его, ярость, сломив все заслоны, наполнила Гарри. Дом на Тисовой улице принадлежал ему, не дяде Вернону. Все эти годы ему повторяли, что Дурсли дают ему крышу над головой, одевают и кормят его, хотя все было ровным счетом наоборот. Он платил за еду, газ, электричество, даже за телефон! Он оплачивал телефон, которым мог бы воспользоваться, чтобы позвонить Гермионе, что сделало бы каникулы более сносными. Но нет, ему требовалось на это разрешение! Внезапно Гарри стало мучительно ясно, почему Вернон мог себе позволить ездить на далеко не самой дешевой машине или задаривать подарками Петунию и Дадли на Рождество или день рождения, да каждый раз, когда им просто этого хотелось. Самые современные модели компьютеров и игровых приставок, изящный хрусталь и фарфор, огромная шкатулка для украшений Петунии, полная ожерелий, колец и браслетов... за все платил он! Гарри вспомнил все прошедшие годы, когда его оскорбляли, били и высмеивали, повторяли, что он занимается не чем иным, как паразитированием на хозяйстве Дурслей, заставляли донашивать обветшалую одежду на несколько размеров больше, если кормили, то лишь объедками со стола, запирали в чулане девять лет подряд. Ярость вскипела в нем с новой силой.

«Они запирали меня в проклятом чулане, который кишел пауками, больше, чем девять лет подряд! И это в доме, который все это время принадлежал мне!»

Тусклый свет в палате замигал. Пустая бутылочка из-под зелья, стоящая на ночном столике, вдребезги разлетелась градом осколков. Гарри почувствовал, как несколько кусочков стекла оцарапали ему щеку, но, казалось, не обратил на это внимание. Потрескивающий поток магии вихрем закружился вокруг него, завертев по палате битое стекло, бумаги, которые он просматривал, коробку и даже подушки и простыни с постели. Он не знал, плакать ему или смеяться или, может, визжать, поэтому поочередно опробовал все три варианта. Когда Гарри гневно заехал кулаком по металлическому ночному столику, оставляя вмятину порядочного размера, водоворот неожиданно рассосался. Все оторванные от земли обломки сразу же упали на пол, не считая многочисленных бумаг, которые медленно кружили в воздухе.

Ему нужно было убираться отсюда. Гарри не знал, куда пойдет, но найти место, где он смог бы подумать без постоянного наблюдения, сдувания с него пылинок и давления, было крайне необходимо. Да и какая им разница? Без своих денег он теперь бесполезен, у Рона и Гермионы остаются они сами, и им уж точно не нужно было, чтобы Гарри находился рядом, усложняя жизнь. Чем дальше он уедет, тем лучше станет всем.

Гарри резко вскочил на ноги, что вызвало внезапный приступ головокружения, вынудивший его вновь сесть на кровать. Минуту он пытался успокоить шумное дыхание, но жалким образом потерпел поражение. Он опять встал с кровати, на это раз уже помедленнее, подошел к своему сундуку и открыл его. Гарри поспешно стянул с себя больничную рубашку — единственное, что было на нем надето — и бросил ее на пол. Скорее всего, он не расслышал приглушенного нервного смеха, донесшегося из противоположного угла палаты. Он вытащил из сундука комплект одежды и торопливо оделся.

Гарри любовно глянул на свою уменьшенную «Молнию», задумавшись, стоит ли рискнуть и воспользоваться ею. Пока он находился в стенах больницы, метлу можно было увеличить при помощи магии и не получить при этом противного извещения из министерства. Но оправдывает ли вся затея риск быть замеченным летящим по Лондону? У него все еще было три часа темноты перед рассветом, чего, скорее всего, должно было хватить, чтобы добраться до места, куда он направлялся, каким бы оно ни оказалось.

Вытащив свою мантию-невидимку и кошелек, Гарри оценивающе окинул взглядом сундук, споря сам с собой, как с ним лучше всего поступить. Он точно не мог волочить его через всю больницу, если хотел тайно сбежать. И он был почти уверен в том, что за дверью палаты находился член Ордена. Гарри пожелал, чтобы это был не Муди, который сможет увидеть его под мантией. В итоге, он решил оставить сундук, надеясь, что тот окажется там же, где и Хедвига.

Гарри развернул плащ и собрался надеть его, но он не заметил переливчато-синего свечения, вспыхнувшего на его левом кроссовке. Надежно завернувшись в плащ и быстро наложив заглушающие чары, он со скрипом приоткрыл дверь. Убедившись, что коридор пуст, он направился вниз к вестибюлю.

Гарри немного заблудился, блуждая по коридорам, и вскоре обнаружил себя на этаже, где находилось детское отделение. Непонятно почему ему внезапно захотелось навестить маленькую Котону.

Он тихо пробрался в отделение и начал обходить одну палату за другой в поисках маленькой девочки. Обнаружив палату Котоны, он сразу понял это. Когда Гарри приоткрыл дверь, слабый серебристый свет из коридора упал на пол и кровать. Тонкая полоска света в темной палате осветила фиалковые глаза девочки. Он заметил, что простыни натянуты так, чтобы большая часть ее лица была скрыта. В первую очередь его внимание привлекли её белоснежные волосы, зловещедвигающиеся на подушке. Когда свет упал на ее лицо, Котона медленно перевела взгляд с потолка на трещину в двери.

В тот миг, когда его взгляд встретился с её, Гарри почувствовал, как палата меркнет перед глазами. Все, что он видел, были глаза Котоны.

Ее мягкий неземной голос эхом отозвался у него в голове, сначала говоря на японском языке, а затем повторяя уже по-английски.

— Шиши, я рада, что с тобой все хорошо. Нам следует поговорить.

Гарри хотел задать вопрос, как она его увидела, но ее голос остановил его, не дав начать.

— Нет, я тебя не вижу, только твои души. У нас мало времени, твой защитник на подходе, как и твои враги. Две вещи тебе сделать нужно. Ты должен вернуться к матери, только так я смогу помочь тебе.

Не успел Гарри поинтересоваться, кто эта «мать», как она уже ответила на его вопрос.

— Северная Мать, школа вартс у хога, под защитой школа. Ты должен пойти. Второе — мой подарок Шиши и Ваши. На столе книга о киджицу-кон, магии души. Должен отдать Ваши, чтобы понять.

Он только собирался спросить, кто это «Ваши», но она вновь ответила на еще не произнесенный вопрос:

— Ваши... Твоя спутница. И-гуру... Я не знаю, как сказать иначе... подожди, я покажу тебе воспоминание.

Котона, сосредоточившись, сузила глаза. Внезапно Гарри увидел призрачный образ Гермионы, пристально глядящей прямо на него — вероятно, проекция её вчерашнего посещения, вызванная из памяти Котоны. Но что-то с ней было не так. Её обыкновенные русые волосы больше смахивали на копну взъерошенных белых перьев, а обычно карие глаза имели золотисто-желтую окраску.

Гарри подумал:

— Это Гермиона?

— Да, это её имя, Гер-ми... Пожалуйста, отдать книгу Герми, книга, чтобы понять.

— Но я не вернусь, у меня нет денег. Я не могу ни купить учебники, ни заплатить за обучение, ни что там ещё нужно. Я не могу...

— Ты должен. Я знаю, что ты делаешь, но ты не достигнешь успеха, пока не вернешься в школу вартс у хога. Все выглядит не так, как оно есть на самом деле, опасность на каждом шагу. Время вышло, уходи, ты должен бежать.

Котона внезапно оборвала связь и продолжила смотреть на потолок. Как только его глаза привыкли к тусклому освещению, Гарри снова смог сфокусироваться на палате. На ночном столике возле кровати Котона он увидел книгу. Старинный фолиант был огромен, но на поверку оказался легок как перышко. Гарри зажал его под мышкой и быстро вышел из палаты. Через пару минут, найдя выход и предварительно увеличив свою метлу, никем не замеченный, он взлетел в утреннюю темноту над маггловским Лондоном.

* * *

Тяжелая дубовая дверь медленно приоткрылась, и низенький крупный мужчина с лысеющей головой и водянистыми глазами-бусинками нерешительно ступил в тускло освещенную комнату. Сидящий на троне человек наблюдал за вошедшим дикими змееподобными глазами, которые, казалось, светились красным. Подойдя к трону, мужчина, не поднимая головы, согнулся в поклоне.

— Хозяин, у меня новости о мальчишке Поттере.

— Говори, Хвост.

— Хозяин, как мне было приказано, я следил за домом Уизли, когда они получили сообщение. Кажется, мальчишка Поттер находится в больнице Св. Мунго. Из того, что я разнюхал, он тяжело болен и еще не скоро сможет покинуть больницу.

Выслушав новость, Волдеморт злобно ухмыльнулся:

— Молодец, Хвост. Возвращайся к дому предателей крови, ты знаешь, что искать. И пришли ко мне Беллу и Люциуса.

— Спасибо вам, хозяин! Спасибо вам! — Хвост поспешил покинуть комнату, чувствуя себя

очень удачливым, так как это был один из редких случаев, когда он выходил от Темного Лорда, не изведав от него неприятного проклятия.

Мгновением позже в покои вошли Люциус Малfoy и Беллатриса Лестрейндж. Оба приблизились к Темному Лорду и низко поклонились, не поднимаясь, покуда он к ним не обратился.

— Люциус, есть какие-то вести от твоего сына?

На лице Малfoя промелькнул страх, и он ответил:

— Нет, Драко не связывался со мной после смерти магглолюбца.

— Вот как... — Волдеморт не отводил взгляда от стальных глаз Малfoя, тщательно изучая его мысли в поисках любого намека на предательства. — А что слышно о Снейпе?

— Мы все еще не можем определить его местоположение после того, как он улизнул из Хогвартса, мой Лорд. Наши люди следят за привычными местами: тупиком Прядильщиков и Лютным переулком, также вокруг Хогсмида расставлены патрули и...

— Я советую тебе удвоить старания, Люциус. Не заставляй меня сожалеть о твоём освобождении из Азкабана. Можешь идти, но я ожидаю большего от твоего следующего доклада.

— Да, мой Лорд, — ответил Малfoй, низко поклонившись, и вышел.

Волдеморт глянул на замершую в почтительном поклоне Беллу. Он поднялся с трона и встал перед своей слугой.

— Встань, Белла, — проговорил он, приподнимая её подбородок своим бледным костлявым пальцем. — Мне кажется, план, приведенный в действие так много лет назад, начинает становиться реальностью, хоть мне и любопытно, почему понадобилось так много времени, чтобы добиться успеха. Казалось, его сознание было чем-то защищено, но, в конечном счете, я сумел втолковать ему свое сообщение. Я почувствовал, насколько слаб он стал, так что ждать осталось мало. Он потерял свой основной источник силы. Ты совершенно верно извлекла выгоды, воспользовавшись главным изъяном Поттера. И это только доказывает, что чувства являются не чем иным, как слабостью.

Беллатриса злобно хихикнула:

— Мы поспособствовали выбору дочери предателя крови, хозяин. Она была без ума от малютки Поттера с тех пор, как он вернулся в магический мир. Развратить её моральные устои было проще простого.

Темный Лорд продолжил:

— Следует должным образом отблагодарить семейство Гринграсс за ценный вклад их дочери в наше дело. Убедись, что ничего не выдаст того, что мы обнаружили. Не подчищенные мелочи могут разрушить то, что мы воздвигали с таким трудом. Как только Поттер вернется в школу, наш план осуществится. Тем временем я отдохну. Можешь идти, да не забудь доложить, когда закончишь с Гринграссами. Бери столько новеньких Пожирателей Смерти, сколько тебе понадобится, но помни: никаких выживших. Все должно выглядеть, будто на них напал Орден... и никаких Непростительных!

Низко поклонившись, Беллатриса разочарованно нахмурилась. Она всегда получала райское наслаждение от применения Непростительных, особенно Круциатуса, но она смирилась с необходимостью использовать обычные заклятия. В конце концов, любой беспорядок — это уже хорошо. Она чуть ли не танцевала от радости, выходя из покоев Темного Лорда, взволнованная очередной возможностью породить разрушение, пусть даже оно будет направлено на чистокровную семью.

Волдеморт позвал её, когда Белла уже открыла двери:

— Пошли за МакНейром. Нам следует подготовить вечеринку для нашего дорогого друга Поттера.

<http://tl.rulate.ru/book/95388/3816131>